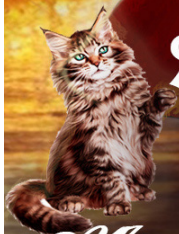

Викки Лайт

**Я - ХРАНИТЕЛЬ
СВЕТА!**

Академия высшей магии

Викки Латта
Я – хранитель света!
Серия «Академия
высшей магии», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69257428

Аннотация

Что сильнее: разум или чувства?

Одно столкновение – и я получила возможность стать стражем.

Одно сражение – и надменный аристократ потерял память.

Одно деловое предложение – единственное, что отныне нас связывает.

Сможем ли мы вместе найти живой ту, кого считают мертвой почти четверть века? А сиятельный – вспомнить все или... снова полюбить? Ведь все чувства забыты, и им отныне правит лишь холодный расчет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Викки Латта

Я – хранитель света!

Глава 1

До этого момента я не могла себе представить, что бывают такие вопросы, которые с размаху ударяют тебя под дых, и ты стоишь с открытым ртом, пытаясь вдохнуть воздух и... не можешь. А мозг сдавливает от осознания того, что ты слышишь. Вся правда этой реальности обрушивается на тебя лавиной, грозя погresti под собой.

Дэн действительно не помнил меня. Это я видела в его глазах. Они смотрели холодно и отстраненно. Пусть этот взгляд длился всего лишь мгновение, после которого комнату заполнили спешившие на помощь маги. Они ворвались в полуразрушенное помещение, принеся с собой шум и гвалт.

Послышался приказ:

– Разойдитесь! Не топчите улики! – И я увидела, как мужчина, очень похожий на Мора, подходит к куче пепла – всему, что осталось от демона, – и накрывает это место куполом.

Меня почти сразу же оттеснили от Дэна. Над ним склонился какой-то пожилой джентльмен, тут же начав водить руками вдоль лежавшего на полу тела руками, и спустя томительно долгую минуту произнес:

– С органами все в порядке, критических повреждений нет. Но что-то не так с энергетическими каналами. Я сейчас погрузил пострадавшего в стазис. Нужно вызвать бригаду целителей. Необходима более тщательная диагностика, чтобы...

Целитель еще что-то говорил, но я не слышала, потому как в спину словно с размаху вошла раскаленная спица. Прямо меж лопаток. Обернулась. Леди Стилл смотрела на меня, прожигая взглядом. Может, кроме него еще и проклятье какое добавила. Но мне это было безразлично. Я ощущала себя выжатой до последней капли.

Подтвердил это и целитель, который, посмотрев Дэна, принялся за меня.

– Вы чудом не выгорели, – отзывался он после беглого осмотра. – Но нет ничего непоправимого. Пока же я вам не рекомендую обращаться к дару. А ожог на груди сейчас залечу. Но все же советую поехать в целительскую.

Слова мага жизни не расходились с делом, он тут же положил руки чуть ниже моей шеи. Ровно на то место, где еще недавно был родовой артефакт Стиллов, принявший на себе основной удар протуберанца. Я почувствовала, как из ладоней пожилого джентльмена струится приятное тепло, а моя обожженная кожа под его пальцами начинает зудеть.

Промелькнула отстраненная мысль, что в каждой глобальной гадости может быть и маленькая радость, а то и вовсе весомая выгода. Так напрочь опустошенный резерв не позво-

лил моему организму сопротивляться чужому лечению. Хотя я бы все сейчас отдала за другую возможность. Дэн...

Но над его телом сейчас склонялась леди Стилл. И я понимала: меня пока к нему просто не подпустят. Да и вообще смогу ли я его увидеть? Хотя бы потом? Не знаю, откуда появилась эта мысль. Но она словно просверлила мой мозг насквозь, неся с собой предчувствие беды.

И та не заставила себя долго ждать. Она появилась с девичьим восклицанием. То было ровно таким, чтобы показать и волнение юной леди, и ее хорошее воспитание, предписывавшее сдержанность, – все по правилам хорошего тона.

– Дэнни... Как же... Пропустите, пожалуйста. Я его невеста! – при этих словах перед девушкой расступились, и она присела рядом с госпожой Стилл, положив свою ладонь поверх материнской и тем выражая сочувствие и поддержку.

А во мне словно что-то оборвалось. Сломалась и замерла, недвижимая. Вне времени и реальности. Единственное, что я могла в этот момент, – рассматривать точеный изящный профиль аристократической невесты Дэна. И мозг наполняло отчетливое понимание того, что леди Стилл, как только узнает, что ее сын меня не помнит, приложит все усилия, чтобы свадьба с этой девицей, которая сейчас, изображая трепет, держит ее за руку, состоялась как можно скорее. И я ничем, абсолютно ничем не могу ей помешать.

Прикосновение Мора к моей руке заставило очнуться. Как оказалось, он не просто дотронулся до моих пальцев, он

усиленно тормозил меня, как некромант, пытавшийся воскресить зомби не ритуалами и заклинаниями, а банальной тряской. Зато последняя была от души! Аж зубы клацнули так, что едва язык не прикусила.

– Ники! – звал меня приятель. – Пошли, нужно подойти к отцу...

– Оставь меня, – отозвалась безжизненным голосом.

– Ну уж нет! Если Толъе решили кого-то отблагодарить, то сопротивление бесполезно! – с воодушевлением заявил друг и буксиром потащил меня вперед.

– Ты о чем? – не поняла я, по инерции переставляя ноги по направлению к мужчине, что накрыл куполом кучу демонического пепла.

– Как о чем? Моя тетя жива! – воскликнул приятель. Вот только как бы он ни был взволнован, но перед этой фразой полог тишины успел набросить. И оказалось, что не только на нас двоих, но и на герцога Толъе.

– Сын, ты в этом уверен? – одобрительно глянув на защиту от чужих любопытных ушей, спросил отец Мора, с интересом рассматривая меня. И вот странность: в его цепком взгляде не было презрения или надменности. Скорее сдержанное любопытство и холодный расчет. Куда же без него? Кажется, у аристократов последний идет встроенной функцией натуры сразу при рождении. А манеры благородные лорды и леди впитывают с молоком преподавателя.

– Практически абсолютно. И в этом огромная заслуга Ни-

ки. – Мор словно невзначай тряхнул нашими сцепленными руками. Точнее, своей, в которой держал мою ладонь, но кто со стороны разберет? – Помнишь, отец, я тебе о ней рассказывал?

– Это о той целеустремленной девушке с невероятным потенциалом? – уточнил Толье-старший.

Мозг, работавший словно вне зависимости от моего сомнамбулично-заторможенного тела, отметил, что герцог не сказал уничижительного «из провинции», как было при первой встрече с леди Стилл, или нейтрального «твоя однокурсница».

– На языке отца это означает «я тебя уважаю», – вдруг отчего-то просиял улыбкой Мор.

Только мне было не до светских знакомств. Я хотела ответить, что устала и хочу побыть пусть не рядом с любимым, но хотя бы постоять в отдалении, но не успела. В кабинет прибыл сначала отряд законников, а за ним и бригада целителей. И если вторые споро погрузили Дэна на носилки, то первые взяли в оборот меня и Мора, а также быстро разогнали толпу зевак. И едва те ушли, как начался допрос.

Вот только перед тем, как офицеры начали задавать мне свои вопросы, леди Стилл, провожавшая носилки с телом, находившимся в стазисе, оказалась на секунду рядом со мной, успев прошептать:

– Быстро ты переключилась с моего сына на Толье. Далеко пойдешь. Только мимо нашей семьи. Я об этом позабочусь!

И, не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла прочь уверенной походкой человека, который покинул собеседника, но обещ... угрожал вернуться.

А я смотрела ей вслед, понимая: если эта леди решила о чем-то или ком-то позаботиться, то это что-то или кто-то скоро исчезнет. А с ее пути или вовсе из этого мира – это уже зависит от обстоятельств.

Испугалась ли я? Ни капли. После того как меня едва не убили в ритуальном круге, чуть не сожрал демон, обещания госпожи Стилл не впечатляли. Единственное, за что я сейчас переживала, – это жизнь Дэна. И его память.

Но вместо того, чтобы быть с тем, кого люблю, я отвечала на вопросы офицеров. Причем страж задавал их, казалось, по нескольку раз. Менялись формулировки, очередность... Я отвечала, даже не особо вдумываясь в то, что говорю. Голова была занята другими мыслями. Их было в ней – что овса в зернохранилище по осени. И ладно бы они были зернышко к зернышку. Так нет же... каша.

Не знаю, сколько бы меня и Мора еще так промариновали, но вмешался Толье-старший, заявив, что он, конечно, уважает рвение молодого офицера и то, что последний неукоснительно следует не только букве закона, но и параграфу учебника по допросному делу, но мы с напарником все же свидетели, а не подозреваемые. А время уже позднее...

Блюстителю закона хотел было возразить, что еще только десять вечера, но более опытный коллега тактично поправил

его, пихнув локтем в ребра, и заверил господина канцлера, что следствие больше вопросов к нам с Мором не имеет.

Молодой лейтенант, только разогнувшийся от тычка, хотел было что-то возразить, но грузный сослуживец уже схватил его за локоть и отбуксировав в сторону. А затем весьма эмоционально начал что-то объяснять. И как он при этом ни старался понижать голос, но до меня долетели басовитые «молокосос», «куда лезешь» и «в своих академиях»... И ответы тенорка «да как ты смеешь», «остолоп», «мозгов не хватает». Ну и от обоих пара крепких выражений из тех, какими могут обмениваться лишь равные по званию.

Я же слушала эту перебранку в тональности полусшепота и прикидывала, успею ли я в общежитие. И судя по тому, что показывали стрелки на циферблате, я успевала, но только через дыру в заборе академии. Центральные ворота были уже закрыты.

Хотя сил добираться до общежития не было.

Возникла малодушная мысль позвонить Силь и напроситься к ней. Пришла бы, прилегла тихонечко на диванчик в гостиной. Даже бурной ночи любви бы не помешала, честно.

Сегодня по расписанию у Силь была именно такая, полная пылких признаний, касаний, поцелуев... Возможно, еще небольшой истерики, угроз, попыток давить на жалость... — всего того, что составляет обязательный ритуал женщины на пути к бриллиантовому колье.

Да подруга с ее воздыхателем меня бы даже не замети-

ли. А если бы и да... Прикинулась бы ветошью и заверила, что все в абсолютном порядке и они могут спокойно продолжать разврат. Представила себе эту картину, помотала головой, прогоняя видение, и уже было приготовилась собрать последние силы, чтобы добраться через полгорода до забора академии, как помощь пришла откуда не ждали – в лице мрачного Мора.

Приятель без обиняков даже не предложил, а поставил в известность, что я ночую у него в особняке. Потому как в общежитие уже не попаду. Про дыру в заборе я напоминать не стала и врать насчёт того, что Силь будет рада, если я завалюсь к ней сегодня, тоже.

Лишь благодарно кивнула, и уже через полчаса я клевала носом над куриным бульоном, который специально для нас с приятелем приготовил повар семейства Толье.

За столом, помимо меня с приятелем, был и сам канцлер с супругой. Они поддерживали ни к чему не обязывающую беседу, не пытаясь расспрашивать о том, как я узнала, что тетя Мора жива. За что я была им отдельно благодарна, но не обманывалась: завтра с лордом Толье у нас обязательно состоится обстоятельный разговор по этому поводу.

Вот только произошёл он гораздо раньше, чем я могла предположить. Ровно в час ночи, когда я, ворочаясь в постели гостевой комнаты в бесплодных попытках уснуть, все же сдалась и отправилась вниз, туда, где в полночь еда становится и полезней, и вкусней, – на кухню. Там-то за нареза-

нием бутерброда меня и застук... кхм, застал канцлер.

Я стояла рядом со столом, когда услышала:

– Ты всегда режешь колбасу скальпелем? – поинтересовался канцлер.

И я, вздрогнув, увидела второго человека в империи. Он стоял в полосатой пижаме, пушистых тапочках и ночном колпаке, острый конус которого украшал помпон.

Как оказалось, он был тем еще ночным жрецом. Истинным адептом культа кефиропоклонников. И следы его жратв... жертвоприношения красовались в виде молочных усов. Пустую тару с подтеками от «молебна» он держал в руках.

– Только если они лежат на кухонном столе.

– Хм... Значит, Меридит уже спускалась... – глубокомысленно изрек Толье.

Видя недоуменный взгляд, канцлер просветил меня. Выяснилось, что мама Мора была множко целителем и немножко лунатиком. А еще – сидела на диете. Днем. А ночью, спящая, отправлялась добывать недополученные при свете солнца калории. Ну, порой и пользовалась при промысле привычным оружием врачей – скальпелем.

Вот я нечаянно и схватила его.

– Хочу тебя предупредить, что им, возможно, утром фурункулы вскрывали.

– Если вы думали, что это испортит мне аппетит и я откажусь от бутерброда, то напрасно. Я нож... скальпель помы-

ла, остальное меня мало волнует. – И в подтверждение собственных слов вгрызлась в бутерброд.

– Жаль, что ты такая бесстрашная, – вдохнул канцлер и потянулся к злополучному скальпелю, а потом к хлебу и колбасе – сооружать себе подобие моего ужина-завтрака.

А я убедилась: точно хотел мою добычу отнять!

Так, в молчаливом жевании, прошло несколько минут, а когда бутербродная прелюдия закончилась, Толье перешел к сгоревшему телу демона и к делу о похищении собственной сестры. Вопросы он задавал совершенно иные. Отличные от тех, которыми обстреливал меня офицер.

Канцлер не повторялся, но многие детали уточнял, интересовался ходом моих мыслей, логикой. Я рассказывала ему все, что знала, не таясь. Он кивал. Когда я закончила, задумчиво уставился в темноту, а спустя какое-то время произнес:

– Знаешь, Ники... Ты пока первокурсница и наверняка не думала о распределении... Так вот, я хотел бы предложить тебе место в моем специальном отделе. Стажера.

Я открыла было рот. Не чтобы ответить. Нет. Исключительно зевнуть, потому как внезапно захотелось спать.

Но канцлер решил, что я хочу ему ответить, и опередил возможные возражения фразой:

– Ты только не отвечай сразу, у тебя будет четыре года, чтобы подумать...

– Да-а-а я по-оо-ка ничего и не хотела-а-а отвеча-а-ать, – через зевоту отозвалась я.

– Кхм, – кашлянул в кулак Толье, поняв, что поспешил. – Но имей в виду, у нас даже для стажеров отличное жалование...

– И сложные задачи. – О службе безопасности я, слава богам, знала в основном понаслышке.

Я искоса внимательно глянула на отца Мора. Если сын был тем еще интриганом, то папочка... Как говорится, генны пальцем не раздавишь и в баре не пропьешь. И такой матерый комбинатор и прожженный, расчетливый стратег не будет просто так делать предложение какой-то безродной адептке. Попасть на стажировку к безопасникам дорогого стоит. А тут...

Это была взятка. Не деньгами, а гораздо большим. Золото всегда, конечно, в цене. А вот возможности и перспективы, которые открывает такая стажировка, безграничны. И главное, у них нет срока годности. Все зависит от личных качеств молодого сотрудника...

– Не без этого, – согласился канцлер. – Дела порой и правда непростые.

– Например, такие как найти пропавшую почти двадцать лет назад из комнаты общежития адептку из аристократической семьи?

– Догадалась, – произнес Толье, но несмотря на то, что он скривился, в его голосе не было досады.

– Мор был куда прямее, когда делал мне предложение... – я не успела договорить, как канцлер зашелся кашлем. Ви-

димо, его мысли в этот момент приобрели строго свадебное направление. Вклинившись в паузу в его кхеканье, я все же сумела договорить: – О сотрудничестве. В поисках его тети.

Мои слова подействовали лучше любых микстур. Толье-старший сразу же излечился.

– Знаешь, я всегда считал, что Совет Министров – тех еще упертых козлов – нужно бояться спереди, наемников – со спины, а умных девушек – со всех сторон. Особенно в разговоре. И сегодня в очередной раз в этой истине убедился.

Так и подмывало съехидничать, что заход на новый круг интриг засчитан, но тут Толье удивил меня второй раз за этот вечер своей прямоотой.

– Знаешь, Ники, я не вправе тебя просить, тем паче требовать, с учетом всего, что с тобой случилось, но тебе удалось то, перед чем спасовали мои лучшие агенты...

Он не договорил, оборвав себя на полуслове. А я на несколько секунд замерла, взвешивая все. Потому что цена и у моего «да», и у «нет» была высокой. Но канцлера больше не шантажируют. А это значит, что моральные терзания о судьбах тысяч невинных людей больше не будут меня мучить. И это перевесило все остальное.

– Стажировка в вашем отделе – большая честь. Но боюсь, я ее не достойна.

Толье правильно понял мое «нет». И лишь усмехнулся. Огорченным он не выглядел.

А я вдруг поняла, что на мне, возомнившей себя великой

сыщицей, свет клином не сошелся. И вообще, может, все показалось и не было от канцлера никаких намеков на то, чтобы я попробовала найти тетю Мора. Тоже мне, детектив Николь Роук... Пф-ф-ф... Да у канцлера полный штат специалистов... Демоны! Как же сложно среди этих аристократов с их иносказаниями, недомолвками, экивоками. И дальнейшие слова канцлера это только подтвердили.

– И все же у вас есть еще четыре года, чтобы изменить свое мнение, – как ни в чем не бывало ответил Толье.

С кухни я ушла не прощаясь.

Думала, не смогу после этого разговора уснуть, но ошиблась. Провалилась в Мир Грезника, как в омут с головой: раз – и все. Да так глубоко, что едва выплыла утром. Аккурат к опозданию на занятия. И хотя идти на них жуть как не хотелось, но лекции и практики, четко выстроенные в расписание, были для меня сейчас единственным островком стабильности в этом с ног на голову перевернувшемся мире.

Кажется, осознал это и Мор. Он требовательно забарабанил кулаком в дверь:

– Ники, просыпайся, пора в академию!!! Если ты сейчас не встанешь, то я войду и увижу тебя непричесанной и сонной.

– Этим пугай своих столичных штучек, – зевая, возмутилась я и, запахнув поплотнее махровый гостевой халат, открыла дверь, ничуть не заботясь о том, насколько всклокочены мои волосы.

Судя по изумленному виду Мора, который так и замер с занесенной для очередного удара о дверную створку кулаком, видок у меня был на все сто. Лет.

Зато собралась я быстро. И была благодарна за новую одежду, которую принесла горничная канцлера. Спортивный костюм был новенький, с бирочкой. Мое вечернее платье после всего, что ему вчера довелось пережить, годилось скорее для помойки, чем для выхода на улицу.

Авто домчало нас с Мором до академии вмиг, а там я уже заскочила в общежитие, чтобы переодеться и захватить нужные учебники. Вот только, когда складывала в сумку тетради, увидела, что мой магофон, оказывается, разряжен в ноль. А энергии, чтобы наплатить артефакт, у меня не было. Пришлось просить ложившуюся спать после ночного практикума на погосте Дару. Рыжая соседка скептически хмыкнула, но магофон все же зарядила. И едва она закончила сжимать в руках амулет, как тот разразился трелью.

Я узнала эту мелодию и нервно сглотнула.

Мама... С ней после поступления я созванивалась всего пару раз. Все было некогда. Дела. То меня пытался убить ликвидатор, то демон... Хотя разговору с матушкой я бы предпочла схватку с демоном. На границе империи. Вот прямо туда бы сейчас и отправилась, чтобы сразиться с этими тварями и немножко оттянуть беседу с деятельной госпожой Роук.

И вовсе не потому, что мама у меня была злом во плоти.

Скорее наоборот. Мы, ее дети, оказались отягощены ее всепоглощающей любовью со всеми вытекающими. Ма могла «тактично», тихо, как ей казалось (но так, чтобы весь школьный магобус слышал), спросить, надела ли я рейтузы с начесом. А то, не приведи небесные силы, застужусь. А мой братец порой был вынужден сразу брать зонтик, вязаную шапку и солнечные очки. И на вопросы своих друзей, зачем это ему все и сразу, лишь вздыхал со словами: «Ты говоришь так, как будто у тебя не было мамы...»

И сейчас, чувствую, все младшие завидовали мне не только потому, что я поступила, но и потому, что я живу самостоятельно. Да, именно так. По слогам. Но счастье не могло длиться вечно. И оно закончилось.

Напомнив себе, что я уже достигла того возраста, когда, глядя маме в глаза, могу сказать, что не буду есть манную кашу, а по трубке магофона и вовсе соврать, нажала на кристалл соединения и, натянув на лицо бодрую улыбку, бодро произнесла:

– Да, мама...

– Ники! – радостно выдохнули за несколько сотен миль от столицы. – Наконец-то ты ответила. А то я этой ночью вся извелась. Мне вчера в одиннадцатом часу позвонил некто Лоурс, кажется, и представился офицером службы правопорядка. И он сообщил, что ты у них проходишь по одному делу...

Я сжала трубку артефакта, помянув про себя слишком

прыткого вчерашнего лейтенантика, который мучил меня вопросами. Кажется, я машинально продиктовала ему не только свой номер магофона, но еще и домашний. Видимо, не дозвонившись по одному – мой-то магофон в сумке был разряжен, – этот неугомонный служитель закона набрал второй...

Я уже приготовилась выслушать отповедь от мамы за то, что утаила от нее столько всего, но...

– Я сразу поняла, что это мошенник! И сейчас начнет требовать, чтобы я внесла за тебя залог. А лучше и вовсе дала взятку, чтобы отмазать тебя. И откуда только эти шаромыжники прознали, что ты у нас в лотерею выиграла и теперь в семье есть деньги?

Я еще раз сглотнула. Кажется, пронесло. Да, Мор, когда меня едва не угробил ликвидатор, перечислил мне на счет кругленькую сумму. Большую часть этих денег я перевела семье. А чтобы не волновать их подробностями, просто солгала, что выиграла в лотерее.

– Даже не знаю... – вполне искренне произнесла я растерянно.

– Да и лорги с ними, с деньгами, – неожиданно отозвалась мама. У меня под ложечкой засосало, и не зря. – Я этого прохвоста отчитала, конечно. И по матушке, и по батюшке, с трехэтажными перекрытиями. Офонарели уже совсем! У них там как будто какие планы начальство сверху спускает – в день облапошить столько-то доверчивых простаков. Га-

ды! Только и горазды, что звонить и честных людей обманывать. А если бы это была не я? А какая-нибудь доверчивая старушка...

Я слушала этот монолог праведного гнева, и у меня нервно дергался глаз. Потому как я знала, на что способна госпожа Роук в ударе. Как минимум – убить через магфон. Даже не глядя на жертву. Или парой витиеватых фраз сломать собеседнику психику, жизнь, челюсть... А как она мотала нервы... Хоть носки вяжи! Талантливая женщина, одним словом.

Но только чем больше мама распалялась, тем ошутимее было чувство грядущей засады. И я на нее напоролась. А ведь все началось вполне невинно: высказав все, что мама думает о нахале, посмевающим прикрываться именем доблестных законников, она подытожила:

– И вот знаешь, Ники, я как тот разговор с проходимцем закончила, мне так беспокойно стало... А вдруг с тобой и правда чего? Решила позвонить, а ты не берешь. А потом опять не берешь. И еще... Где ты всю ночь пропадала? А? – бдительно поинтересовалась мама.

И Дара тоже поинтересовалась. Правда, одним только взглядом: где, мол, тебя, соседка, всю ночь носило? Из чего можно было сделать вывод, что рыжая беззастенчиво подслушивает разговор.

Я так же беззвучно в ответ выпучила на нее глаза, пытаюсь показать одним только взглядом, как глубоко щас ее урою.

Но грозить некроманту ямой – дело гиблое, неблагодарное и бесперспективное даже в теории. Дара на это только выразительно хмыкнула: дескать, я из трупов правду вытрясала, а из тебя, живой, – и подавно.

Но все же спустя пару секунд, хмыкнув, накрылась одеялом и сделала вид, что она совсем-совсем ничего не подслушивает. Жаль, что от госпожи Роук так просто, одними грозными взорами, было не спастись. Пришлось лгать, заверяя, что все хорошо, я просто устала, много учебы, закрутилась и забыла о разрядившемся магофоне. А вот сегодня я выпалась и...

Увы, если акула чует каплю крови в воде на расстоянии пары миль, то мама за сотни миль чувствует, что ее доченька плохо покушала и мало поспала.

– Ники... – предостерегающе начала матушка, заподозрив подвох, но еще не понимая, где именно.

Я же была сама невинность. И спустя четверть часа смогла все же свернуть этот то ли разговор, то ли пытку.

– А если правду? – спросила рыжая, как только я нажала «отбой» на артефакте.

– Я все объясню, – заверила я Дару, – но чуть позже. Сейчас я опаздываю на лекцию. Единственное, о чем прошу, – не верь газетчикам. Они горазды сочинять...

И под изумленное «Оу!» некромантки вылетела из комнаты шальным пульсаром. Потому что действительно опаздывала. А в том, что новость о демоне просочится на страни-

цы печатных изданий, сомневаться не приходилось: когда я с семейством Толье покидала здание фларнийского посольства, вокруг уже собралась толпа репортеров. Канцлер даже накинул на нас полог невидимости, чтобы мы смогли спокойно сесть в авто.

Оставалось лишь надеяться, что мое имя им разузнать не удалось, как и подробности случившегося. Но, зная Дару и ее проницательность, я даже не сомневалась, что некромантке не составит труда сопоставить факты. Так что предостережение было не лишним.

Вот только кто бы предупредил меня и Мора. Хотя бы в обед, когда мы пошли в столовую. Ведь в ней-то все и началось...

Глава 2

Сначала это были шепотки и переглядывания, но потом, осмелев, кто-то из адептов подошел к нашему столику, где пока обретались только я и Мор, и в лоб задал вопрос:

– Это правда, что ты со Стиллом и самим сыном канцлера демона завалили?

Толье при упоминании о себе в третьем лице закашлялась. А я впервые позавидовала его личине. Вот сейчас сидит никому не известный паренек Дрон в столовой, и ни одна собака на него внимания не обращает. Все оптом досталось мне... Расхлебывай... кхм, в смысле, наслаждайся, Ники.

Я хотела отбрехаться от сомнительного звания почетного и заслуженного героя-победителя хотя бы потому, что этих самых победителей мало кто любит. Больше жадно любопытствуют, завидуют, негодуют или ищут изъяны. Но, увы, адепт ткнул в нос сложенной вдвое газетой.

Там на первой полосе, отпечатанной, судя по дате и времени в углу страницы, меньше часа назад, красовался мой портрет. Из личного дела академии. Там я была со слегка выпученными глазами, растрепанная и улыбающаяся до ушей, потому как поверить не могла, что все же поступила. И с двух сторон от меня – парадные магографии двух аристократов. Выражения их лиц были столь величественно-холодными, что отлично подошли бы для хранения скоропортящихся

ся продуктов.

Статейка же повествовала о том, что, собственно, произошло в посольстве. И ее автор описывал все так красочно, подробно, что я узнала много нового и интересного как о происшествии, так и о себе.

– Ну так как ты умудрилась-то его угрохать?

– Могу показать, – я ощерилась не хуже кобры, – на тебе. Прямо сейчас.

Адепта исчез – как в едкой кислоте растворился. Жаль, на его месте конденсировался новый любопытствующий. Но спустя пару минут общения со мной и Мором и этот интересующийся выпал. В осадок. А хотелось бы, чтобы из окна столовой. Хоть был бы наглядный пример для остальных сплетников. Чтобы знали: когда девушка оказывается не в духе, те, кто ее достают, рискуют оказаться в гробу.

И тут затрезвонил мой магофон. Я машинально приняла вызов, и на меня тут же напористо набросился незнакомый голос с лавиной вопросов. Я, не отвечая, сбросила вызов.

– Ники, может, нам лучше уйти? – видя, как на нас со всех сторон глаза адепты, предложил приятель.

– Поздно, – выдохнула я и взглядом указала вперед.

К нам целеустремленной походкой бультерьера шли Дара и Лори. Последняя держала под мышкой газету.

– И как это понимать? – шлепнув листами об стол, с возмущением уточнила алхимик.

– Ты обещала все объяснить, – добавила некромантка.

И тут стало ясно: если я промолчу, то первая добьется от меня правды с помощью зелий, а вторая даст заступом хорошенько по темечку, а когда я окачурюсь, поднимет как зомби и вытрясет информацию. Это минимум.

— Ну, где я была на выходных вечером, вам уже известно, — начала я, прикидывая, сколько подслушивающих заклинений сейчас сконцентрировалось вокруг нас. И тут вновь ожил мой магофон. Я уже с куда большей осторожностью поднесла артефакт к уху. Этот собеседник хотя бы представился. Репортер из «Столичных хроник». Больше он ничего сказать не успел. Я отсоединилась и продолжила:

— А об остальном... может, в другом месте поговорим...

— И где?

— Как насчет оранжереи? Там всегда тихо, мало народу... Дзинь... и вновь это был кто-то из журналистов, охочих до сенсаций. Я не выдержала и отключила магофон. Ну их... к демону! Тому самому, прожаренному в посольстве.

Что ж... Спустя полчаса я поняла, как промахнулась. Еще никогда у Штопса не было такого аншлага. Желающие прополоть, подкормить, опрыснуть... Их было столько, что не хватало тачек, ведер, тяпок... Он был просто счастлив: наконец-то у адептов проявилась тяга к труду! Только недоумевал: почему у всех разом?

— Тут никого нет... Можем спокойно поговорить... — поминая мои слова, фырчала Дара, выкорчевывая сорняки.

Лори громко молчала, поддерживая рыжую.

– Я откуда знала, что даже запах навоза не отпугнет этих... любителей покопаться в подробностях.

– Мухи... – протянула Лори и пустила в одну, особо назойливую, заклиниванием. Но сдаётся мне, имела в виду она отнюдь не насекомых.

Как итог – поговорить мы не смогли. Зато тепличник, наблюдавший за миграцией внезапных волонтеров по оранжерее, наконец смекнул, кому обязан столь активному и продуктивному дню.

И когда я наконец отработала положенное время, старичок подошел ко мне и, широко улыбаясь, сообщил:

– Адептка Роук, я решил зачесть тебе все оставшиеся часы! – это прозвучало столь торжественно, что я ощутила, что мне вручают минимум ежегодную Магическую премию. – Вы привели сюда столько добровольцев!

– Боюсь, что завтра их трудовой энтузиазм слегка погаснет, – как мне ни хотелось принять столь щедрый дар от Штопса, но я все же попыталась осторожно сообщить тепличнику правду. – И они навряд ли придут...

– Я знаю, – старичок улыбнулся еще шире, – но они сегодня сделали годовой план по рекультивации. Его бы хватило на сотню проштрафившихся. Не знаю, как вам это удалось, Роук, но я это ценю.

Мне не осталось ничего другого, как поблагодарить Штопса.

– К тому же с вашим умением попадать в неприятности,

уверен, мы все равно скоро свидимся, — напутствовал меня тепличник на прощание. Я чуть не споткнулась о порог оранжереи.

А затем мы с Лори и Дарой шустрой трусцой понеслись в общежитие. Мор не стал участвовать в забеге, сообщив, что прикроет наше отступление.

И лишь когда мы оказались в нашей комнате, под десятком пологов тишины и артефактов защиты от прослушки (как оказалось, у Лори их был целый арсенал, что с родителями-ренегатами немудрено), я смогла наконец рассказать им, что случилось вчера. За минусом наших бурных отношений с Дэном. За вычетом тайны инкогнито Мора. Не упоминая угрозы госпожи Стилл. И запамятавав о ночном разговоре с канцлером. Одним словом, вышла очень даже приличная история.

Правда, под конец я ощутила, насколько устала. Захотелось лечь в постель, накрыться одеялком и попытаться осознать, как теперь жить и что делать. А еще очень хотелось в душ. Но я вдруг поняла, что если только выйду в коридор, то меня сразу же настигнут они... вопросы от всех и каждого.

– Возьми артефакт невидимости. Он, правда, почти разряжен, но до душевой и обратно должно захватить, — предложила Лори.

А я... не стала отказываться. Правда, сначала все же, как примерная адептка, решила сделать домашние задания. Выложила на стол из сумки учебники и тетради. Меж страниц

последних затесался и выключенный магюфон. Я отодвинула его на край стола.

А когда с заданиями и расчетами было покончено, то я поспешила в душевую. И пока кралась привидением по коридору, поймала себя на мысли: как же это здорово, когда тебя не замечают!

Стоя под теплыми струями, я пыталась понять, что могло произойти с Дэном? И как мне его увидеть?

Почему-то казалось, стоит нам нормально поговорить – и он сразу все вспомнит.

В душевой я задержалась. И когда пришла обратно в комнату, то Дара первым делом сообщила:

– Тут какая-то настойчивая дамочка так называла тебе, что извини, но я не выдержала. Нажала на прием и сказала, что Николь Роук умерла.

– И... – насторожилась я.

– Тогда она спросила, кто я, – сообщила Дара. – Ну я представилась. Назвала имя и специальность.

– Ты сказала, что некромантка? – Я сглотнула, начиная догадываться, КТО именно проявил такую настойчивость: дозвониться на выключенный магюфон... такой суперспособностью обладал лишь единственный человек в мире... Моя мама.

– Ну да...

– Дара, а у тебя нет какого-нибудь уютного склепа на примере? – проникновенно спросила я.

– Для кого? – практично уточнила рыжая.

– Для меня. Прятаться.

– От журналистов?

– Хуже. От мамы... – выдохнула я, представляя, на что способна госпожа Роук, когда даже немножко переживает. А сейчас, после такого заявления Дары, – явно множко.

Ложась в постель, я малодушно прикидывала: не попросить ли политического убежища у Мора на то время, пока мама будет в столице? Все же отец приятеля – канцлер, а не дырка на панталонах, и в подчинении у него целое ведомство, агенты... Может, они меня спасут от матушкиного гнева?

Но боюсь, что плата за такой постой в особняке, что расположен в самом центре столицы, тоже будет немаленькой – как минимум раскопать правду об исчезновении леди Толье и ее саму. Желательно – не из могилы.

Вот только пока я взвешивала все за и против, оказалось уже поздно. Госпожа Роук примчалась в столицу, подобно урагану. Судя по скорости, с которой она прибыла, мама добиралась не на поезде, а самое малое – заарканила ящера, что парили в небесах южных степей, рассекая крыльями воздух. И у него на загривке домчала ко мне.

Потому как спустя какие-то сутки матушка эпично появилась в академии и устроила разнос в ректорском кабинете: как глава сего почетного учебного заедания допускает, чтоб его адептов пытались убить всякие демоны?! Куда гла-

ва смотрит? А департамент магии?

Госпожа Роук рвала и метала молнии. Последние – не из глаз, а самые что ни на есть настоящие. Даже книжный стеллаж от них пострадал. Видимо, это стало последней каплей, после чего госпожа Гирс рывкнула: «Хватит!» – и, сверкнув своим глазом, сковала дебоширку парализующим заклинанием.

Наверное, за всю историю академии это был первый случай, когда за плохое поведение к ректору вызывали не родителей, а адепта.

– Ваша? – грозно спросила ректор, когда я переступила порог.

Я глянула на матушку, скованную чарами, и с прискорбием признала, что да, моя. Пришлось ее забирать, извиняться за причиненный ущерб и волоочь недвижимое, явно клочкотавшее злостью тело на закорках.

Оттаяла матушка быстро. Сидя на скамейке в парке, она спустя каких-то два часа смогла шевелить пальцами рук, потом и нижние конечности обрели подвижность. Последней вернулась речь. Жаль, что так же быстро не прошел ее гнев. Теперь – обращенный на меня. Со слов госпожи Роук, я была самой отвратительной из дочерей. Безрассудной, безответственной, безголовой... и еще много какой «без»...

– Знаешь, как я за тебя переживала?! – под конец своей тирады воскликнула мама. – Почему ты мне сразу все не рассказала?

– Потому что знала, как ты будешь переживать. – Я развела руками в стороны.

– Николь Роук, – строгим тоном начала мама, – нет слов! Ты просто вся в... – тут она споткнулась и на миг замолчала, словно что-то обдумывая. А затем резюмировала: – В меня! И это просто невозможно! Но я поняла сейчас, что поступила бы так же.

И мама порывисто прижала меня к своей широкой груди. Так, что любое сопротивление родительской любви было бесполезно. А я поняла, что прощена. Не совсем. Лишь чуточку. Но все же...

Мы проговорили до самого заката. И я спохватилась, что уже вечереет, а маме негде переночевать. Ведь, зная ее, я могла абсолютно точно утверждать: номер в гостинице ма-тушка снять и не подумала. Наверняка как вышла из кабины драконьего воздушного экспресса, так и помчалась в академию. К слову, я оказалась права: мама впервые в жизни потратилась на столь дорогой билет. На него ушли три отцовских зарплаты и столько же папиных нервов. Подозреваю, что при этом погибла в страшных муках еще одна жаба. Та, что обычно душила госпожу Роук каждый раз при походе в магазин.

– Мам, тебе поторопиться бы... – намекнула я на то, что время уже позднее и ворота для посторонних скоро закроют.

– Ты меня гонишь? – чуть поджав губы, уточнила она.

– Скорее деликатно пытаюсь сообщить, что после десяти

тебе придется покинуть академию через дыру в заборе.

Эта новость и сподвигла госпожу Роук попрощаться. Но она заверила, что завтра заглянет вновь, чтобы узнать, как у меня дела. А лучше, если я пройду с ней по городу. Мама ведь никогда не была в столице. И теперь, когда ее родительское сердце спокойно: дочь жива, здорова, с ней все в порядке, – можно и развеяться. Прогуляться по знаменитой пятой авеню Тулуры. Увидеть монумент отцам-основателям, подышать свежим воздухом залива и полюбоваться на небоскребы бизнес-бея.

Мне оставалось лишь смиренно согласиться с такими грандиозными планами.

Я проводила ма до ворот академии, помахала на прощание, зная матушкину привычку несколько раз обернуться, прежде чем она скроется из виду за поворотом. А затем, когда солнце уже почти село, пошла обратно, в сторону общежитий. И только тут поймала себя на мысли, что меня не преследует, как вчера, толпа любопытствующих.

Интересно – почему бы? И только тут вспомнила о кулоне-артефакте, который мне вчера дала Лори. Медленно шагая по аллее, я достала его из выреза рубашки... Он почти разрядился, но все еще пытался работать. Правда, его хватало лишь на отвод глаз, полной невидимости он не обеспечивал. Но, похоже, и этого было достаточно, чтобы я перестала быть центром внимания.

По мне скользили взглядами, вроде бы видя, но не заост-

ря внимания. Покрутила в руках амулет. Явно работа великого мастера. Но я точно помнила, что говорила вчера об артефакте алхимик: заряд почти на нуле. И я его насытить энергией никак не могла. Мой резерв был практически таким же, как уровень магии в амулете, или...

Я увидела, как с моих пальцев стекает едва различимое свечение. Оно было столь призрачным, что не пялся я на руны амулета пристально и долго, ни за что не заметила бы их скупой блеск – свидетельство того, что маскирующие чары что-то подпитывает извне. И примерно с такой же скоростью эта энергия расходуется.

Вот только больше всего поразило меня не это, а то, какого цвета была моя магия – не типично огненно-рыжего. И даже не холодного, льдисто-белого. А голубовато-бирюзового, словно морская волна.

Что за демон?!

Я так погрузилась в раздумья, что не сразу почувствовала: что-то не так. Лишь когда вокруг разлился такой холод, что стал промораживать до костей, а изо рта пошел пар, я отвлеклась от артефакта. И не поверила тому, что увидела.

Вокруг была не аллея, а развалины старого корпуса. Как я умудрилась сюда забрести? От парка академии это порядочный крюк.

Но тут моя нога помимо воли сделала очередной шаг. А за ней вторая – еще один. Меня будто магнитом тянуло к провалу в полуобвалившейся стене. Солнце успело сесть, и

все вокруг погрузилось в сумрак. Вот только он должен был быть прохладным, а не вымораживающим так, что трава под подошвами сапог хрустела от инея.

Лихорадочно запихнув артефакт в карман, я попыталась сопротивляться. Тщетно. Несколько секунд ушло на осознание того, что, кажется, я попала в петлю призыва. Но такие ставят на души мертвых. Для такого ритуала требуется кровь или прах покойника. И отчаянный некромант, готовый преступить закон. В моем случае – дважды. Потому как я-то была живая!

– Помогите! – я попыталась заорать, но под конец голос сорвался на сип. Да и услышит ли меня кто-то здесь? Эта часть академии была и днем-то безлюдной...

Делая шаг в пролом, вцепилась руками в полуобрушившуюся кладку. Острые каменные грани рассекли ладони. Под пальцами начала растекаться кровь. Зато стало понятно, откуда ее мог достать тот, кто меня сейчас тянул во тьму, как на аркане.

Некроманту достаточно было подобрать бинт в лечебнице, где я лежала после нападения вурдалака. Вот только едва я нашла ответ на вопрос: «Как?» – следом возник новый: «Зачем?» Мы же нашли того, кто покушался на жизнь канцлера. Демон мертв. Или у него были сообщники? И сейчас мне решили отомстить?

– Наконец-то... – услышала я самоуверенный мужской голос.

Вскинула голову и увидела темноволосого парня в форменной студенческой куртке. Адепт? Или еще один ликвидатор под личиной? Или это тот, кто все это время пытался меня убить? Знать бы еще за что...

Самое противное – я даже не могла сказать ни слова. Ни спросить, ни попытаться потянуть время. Хотя... Все же кое-что я могла. Мне стоило невероятных усилий, чтобы запнуться! Очередной шаг – и я, сопротивляясь притяжению, смогла чуть отвести стопу. Нога зацепилась за камень. Потеря равновесия, а за ним короткий полет носом вперед.

Удар о камни выбил из груди весь воздух.

– И как в твоей никчемной оболочке поместилась такая сила? – раздался задумчивый голос сверху. Я увидела перед собой начищенные носы сапог. Судя по всему, меня рассматривали с интересом энтомолога, нашедшего в сачке вместо бабочки неказистую гусеницу. – Впрочем, мой малыш это оценит.

Что за малыш, уточнять не потребовалось. Когда я подняла взгляд выше сапог, то сглотнула. За широким плечом моего палача в воздухе завис неприкаянный – дух, одержимый жаждой мщения, питающийся жизненной силой и магией. Зато сразу стало понятно, откуда такой вымораживающий до самого мозга костей холод. Только высшие неприкаянные одним своим присутствием были способны понизить температуру на пару градусов. А этот и вовсе покрыл тонкой коркой льда все вокруг.

Но если неприкаянный столь силен, то какой уровень дара должен был быть у этого некроманта, чтобы его удерживать?.. Если только... Источник! Конечно. Этот адепт наверняка нашел источник, к которому привязан дух. Только вот что это? Кость покойного? Кольцо? Ботинок? Источником могло быть что угодно...

Я посмотрела на клубящуюся тьму, в которой угадывались очертания духа. И встретила взглядом с двумя красными угольями глаз неприкаянного.

«Тарелка», – раздался голос в моей голове, и я не сразу сообразила, кому он принадлежит. Некромант молчал. А духи – все знают, что они безмолвны. И могут лишь кивать или показывать что-то жестами.

«Что?» – задала я мысленный вопрос, подозревая, что повредила рассудком.

«Ты меня слышишь! – обрадованно закричал в моей голове неприкаянный. – Наконец-то за столько столетий первый маг с достаточным уровнем дара, чтобы меня услышать! – А затем дух приказал: – Ты должна разбить тарелку. Самонадеянный сопляк хранит ее в нагрудном кармане куртки».

«Что мне это даст?» – задала вопрос. До этого мне ни разу не доводилось общаться телепатически. Тем более с умершими. Но чему не научишься на пороге смерти?

«Пока она у него, ты однозначно будущий труп», – отозвался дух трупа настоящего.

Что ж, похоже, он знал, о чем говорил. Во всяком случае,

опыта в полном умирании у него явно больше. У меня же пока были лишь попытки. Зато многочисленные. И не хотелось бы, чтобы эта стала последней. Той, после которой я из категории «живая жертва» перейду в разряд «призрачный питомец».

«Я не питомец!» – рявкнуло в моей голове так, что я вздрогнула. Мое тело дернулось, несмотря на все петли подчинения.

– Страшно? – по-своему понял некромант. – Это хорошо... Она просила, чтобы тебе было страшно.

«Она?! – заметалось в моей голове. – Какая еще, к демонам, она?..»

«О ревнивых бабах подумаешь позже. Сначала тарелка», – отрезал дух.

Что ж, в чем-то он был прав. Вечером спасаем души (и живые, и мертвые), а уж наутро мстим. Или думаем, как лучше это сделать. Если перепутать, можно до рассвета и не добраться. А я очень хотела увидеть восход солнца. Первый раз в жизни так этого желала.

Только вот была одна незадача. Я лежала на мерзлых камнях, со скованными ногами, нулевым резервом, а передо мной возвышался полный магии и самоуверенности некромант.

Правда, делал он это недолго... Я словно рыба, выкинутая на берег, оттолкнулась руками от земли, совершив «прыжок» вперед, и схватила моего палача за щиколотки. Рывок

на себя – и адепт, потеряв равновесие, взмахнул руками и полетел на пол.

Он не успел воспользоваться ни магией, ни ловкостью. Первым из-за того, что в его руке и так была магическая удавка, которую нужно было контролировать. Вторым... А была ли она у него? Эта самая ловкость?

Звук, с которым темный затылок ударил о камни, вышел звонким. Словно поварешкой о бок пустой кастрюли шибанули. Но на этом все. Бонусы закончились. Мой противник ни сознание не потерял, ни контузию не получил. И вполне себе резво постарался вырубить меня в ответ, когда решил ударить сапогом в лицо.

Я уклонилась в последний миг, разминувшись с подошвой в каком-то дюйме.

– Тварь! – проревел некромант.

Я бы хотела ответить, что приятно познакомиться и мое имя Николь Роук, но думаю, что ситуация была немного неподходящей: когда тебя пытаются прикончить, слегка не до светских знакомств. Да и адепт, проводя ритуал призыва, должен был знать имя своей жертвы...

Вместо меня ответил неприкаянный. С разъявленной пастью тьмы он понесся на нас двоих, словно хотел сожрать. Хотя почему словно? Меня – так вполне мог. А вот адепта, как хозяина источника, навряд ли.

Впрочем, судя по панической реакции некроманта, он в первую секунду забыл о зеркале. А я нет. И, совершив еще

один рывок, вцепилась в полу его куртки. Тут-то этот недомаг, у которого улетучилась вся самоуверенность, понял, что я хочу сделать. И попытался мне помешать.

Мы сцепились, как двое остервенелых псов, но я была, может, и слабее, зато проворнее. Руки так точно.

И, выдрав из внутреннего кармана источник, я тут же откатилась с криком:

– Он твой, мертвец!

Неприкаянного дважды приглашать не пришлось. Сгусток черной тьмы буквально прошил собой тело некроманта. Не помогли ни амулеты, ни защитные плетения...

Дикий крик, казалось, пробил барабанные перепонки на вылет. Я впервые видела, как выглядит проникновение. После такого не маг превращается в горстку пепла, а обладающий даром – в овощ, сознание которого не доступно для телепатов, а душу не сможет призвать ни один некромант, ведь она заперта в живом, но бессознательном теле.

«Слабак! – услышала я мысленно. – Его отец – сильный некромант. А этот... решил, что всесилен, раз украл источник...» – И тут тьма развернулась, вперив в меня уголья своих глаз, и обвиняюще проревела без единого звука: – Почему ты его не разбила?» Казалось, у меня мозги при этом взбило венчиком.

Мне стоило немалых усилий не уронить источник. Потому что едва его осколки крошкой брызнут о каменный пол, как я останусь не только без ответов на свои вопросы, но и

без жизни.

Глава 3

«Может, потому, что еще хочу жить?» – упрямо вздернув подбородок, мысленно спросила я.

«А резерва-то на это желание хватит? – в ответ оскалился беззубым ртом-провалом дух, и я ощутила, как его щупальца мрака начали оплетать мои ноги. Холод вмиг пробрался под кожу, не вымораживая, но вызывая неприятный озноб. Вреда это не причиняло. Физического так точно. Но на психику давило не хуже, чем надгробная плита. Неприкаянный же, довольный произведенным эффектом, продолжил: – У тебя сейчас нет своей магии. Совсем. Я это чувствую. Ты пуста. Я ощущаю лучше тебя твой резерв... Он... Впечатляющий, способный вместить столько энергии... И в нем – ничего... Почти выгоревший дар. И на самом дне лишь слабая искра. Да и то... Ты скорее ей не управляешь, а лишь хранишь... С такой даже простую удерживающую петлю не сплести...»

Дух еще что-то говорил и говорил, обвивая меня черным туманом своего тела, как удав жертву, но я не слышала, пытаясь осознать услышанное. Что он имеет в виду?

Или просто пытается отвлечь, чтобы я, задумавшись, сделала неосторожный шаг, запнулась, упала еще раз, потеряв равновесие, и разбила источник?

Так, нужно сосредоточиться! Немедленно! Я стиснула зу-

бы, желая хотя бы так отрезвить себя от дурмана слов того, кто застрял между мирами живых и мертвых.

«Ну-ну... попробуй...» – прозвучал в моей голове глумливый голос неприкаянного.

«Хочешь освободиться?» – в свою очередь, спросила я.

«Ты не разбила его. – И два красных угля глаз указали на зажатую в моих руках простую глиняную плошку, испещренную рунами. Тарелку она напоминала лишь отдаленно. – Значит, решила попробовать меня подчинить, как и этот сопляк, что остаток своей никчемной жизни проведет сомнамбулой», – дух говорил мыслеречью, а мне казалось, в моем мозгу с противным, выворачивающим все внутри скрежетом прокручиваются заржавелые шестеренки.

«Плохой пример может, конечно, стать хорошей идеей, – отозвалась я. – Но это не мой случай».

«А разве ты не...» – начал было неприкаянный.

«Вообще-то, мне от тебя нужно не служение, а правда», – перебила я духа.

«Правда?! – возмутился дух. – Лучше бы ты хотела простого подчинения!»

«Почему?» – я удивилась.

«Потому что правда редко кому нравится. И ее лучше сообщать со стены крепости, держа в руке смертельное заклятье. Особенно когда у тебя нет точных ответов».

– Ты даже не знаешь еще, о чем я спрошу, – настолько возмутилась, что перешла с речи мысленной на обычную. Ну

как перешла... Попыталась. Из горла вылетел сип, больше похожий на надсадное карканье, чем на нормальные слова. Все-таки голос я себе сорвала. Но дух разобрал. Хотя подозреваю, что не звуки, а мысли.

«О том, кто приказал тебя уничтожить?» – раздалось в моей голове. И хотя у мыслей не было интонаций, мне показалось, что в вопросе проскользнули... усталость и раздражение.

«Да. Откуда ты...»

«На твоём месте я спросил бы то же самое, – ответил дух, и я ощутила, как кольца вокруг ног начинают раскручиваться, а холод отступает. – Но я не могу дать ответ. Знаю только, что это женщина. Или девушка. Она пообещала ему, – кивок в сторону бесчувственного – навсегда бесчувственно – тела адепта, – как только он устранил тебя, выполнить его желание».

Мне показалось или при этих словах то место, где у неприкаянного должен быть рот, изобразило похабную ухмылку, словно намекая, какого рода желание загадал самонадеянный некромант?

«Хотя, сдаётся, ничего бы он от неё не получил, кроме смерти, – спустя несколько секунд задумчиво добавил дух».

В первый момент мне захотелось возразить на такое заявление. Но потом я прикинула, что убить исполнителя, чтобы молчал, или заплатить ему за работу – выбор, который всегда стоит перед заказчиком. Первое надежнее. Не придется

выполнять обязательства, и тебя точно не будут шантажировать.

«Верно мыслишь, – раздался в мозгу одобрительный голос неприкаянного. – Вымогательство – то, чем порой любят грешить дилетанты. А наш с тобой общий знакомый, увы, на профессионального ликвидатора не тянет... Этот недомаг сам подписал себе смертный приговор, когда согласился тебя устранить. В любом случае он был бы покойником. Не сегодня, так спустя пару дней...»

«Но он еще не умер», – возразила я, глядя на бледное лицо.

«Но уже и не жив», – парировал дух.

«Значит, ты не знаешь, кто так жаждет моей смерти? – спросила неприкаянного».

«Имени – нет», – скупотозвался дух, словно слова были для него величайшей ценностью, а я – коллектором, решившим ее отнять за долги.

«Но ты упомянул ревнивых баб», – припомнила я и почти сразу после этого ощутила глухую ненависть. Будто неприкаянный хотел то ли отделаться от меня поскорее, то ли просто отомстить, утаив информацию по максимуму. Мог бы он солгать – наверняка наврал бы уже на вагон с прицепом. Но... призраки не умеют обманывать. Это непреложный закон. А вот недоговорить так, чтобы исказить правду до неузнаваемости, – вполне.

«Ты такая памятливая по отцу или по матери?» – в голове

послышалось шипение, словно раздраженная кобра встала в стойку и раздула свой капюшон.

«По обстоятельствам, — ничуть не смутилась я. — Хочешь, чтобы я разбила источник, — не пытайся юлить. Говори все. Иначе я решу, что эта тарелочка чудно будет смотреться на моей посудной полке...» И я задумчиво повертела предмет обсуждения в руках, словно и правда прикидывая, а не использовать ли плошку в качестве вазочки для конфет.

Уголья глаз полыхнули гневом. Провал рта беззвучно открылся... Так неприкаянного, похоже, еще не унижали. Использовать источник силы как простую утварь?..

И дух сдался. Его рассказ был коротким. Зато самым ярким из всех, что были в моей жизни. Потому как неприкаянный вместо тысячи слов... Просто показал все. Прямо в моей голове. Я видела воодушевление в глазах некроманта, когда он, похитив источник из сейфа отца, призвал к себе духа. Как мечтал заполучить её. Недоумевал, почему нужно устранить выскочку-голодранку Роук. Но если ради этого она станет его... Картинки дополняли умозаключения неприкаянного. Умудренный более чем тысячелетней жизнью дух здраво рассудил, что, скорее всего, если одна девица решила устранить другую, то речь идет о соперничестве или ревности...

Логика в этом была. Но было и одно но: покушения на меня начались еще до того, как Дэн открыто объявил, что мы вместе.

«Думаешь, конкурентки будут ждать официальных заявлений?» – подслушав мои мысли, спросил дух.

«У меня уже не осталось сил думать», – неожиданно для себя поняла я.

«Тогда отпусти...»

«И ты, потеряв якорь, убьешь меня, как и его?» – я не спрашивала, скорее констатировала факт. Мы оба: и я, и неприкаянный – стали заложниками ситуации. Когда нельзя отпустить, но и удержать не можешь.

«А если нет?» – дух прекрасно все понимал, как и я.

«Скорее да», – возразила.

«Тебе придется либо довериться, либо рискнуть и попытаться подчинить меня. Но ты не справишься».

Одно было безумнее другого. Довериться неприкаянно-му? Положиться на слово мертвого? Или попытаться подчинить и выгореть до конца и сдохнуть от перенапряжения... Увы, за время, проведенное в академии, я, может, не усвоила многого из лекций, но кое-что все же узнала точно – свой предел. И неприкаянный был за его чертой. Очень далеко.

– Я тебе не верю, – выкрикнула. Мне хотелось верить, что выкрикнула, хотя скорее надорванно прошелестела.

Рука замахнулась, и источник ударил о камень. Брызнула мелкая крошка. А я бросилась прочь. Сбежать от неприка-янного – столь же нелепо, как и пытаться в одиночку победить демона. Но я надеялась, что пары секунд, пока идет разрыв привязки духа и источника, мне хватит, чтобы выбрать-

ся наружу. А там... как повезет.

«И правильно!» – донеслось мне в спину. А может, почувствовалось. Но я все равно рванула из всех сил, так что, казалось, затрещали мышцы и сухожилия. Прочь. Прочь. Прочь. За спиной загрохотало. Было ощущение, что начался обвал. Но это лишь карточным домиком сложились остатки стен старого корпуса.

Но я, лишь однажды оглянувшись, припустила по пустому парку, чтобы в последний момент успеть к закрытию общежития. Мигнул охранный контур, предназначенный, вообще-то, скорее для отлова ушлых адептов, чем призраков. Но если дух пересечет контур – должен сработать тревожный сигнал. И на него-то отреагируют те, у кого резерв полон...

Всклокоченная, ворвалась в комнату, прислонилась к двери и только тут поняла, что если бы неприкаянный хотел меня догнать, то давно бы это сделал. Не знаю, почему он не убил меня. То ли я и вправду смогла совершить почти невозможное – удрать, то ли мертвец оказался столь силен, что разрыв его с источником продлился дольше пары секунд, то ли дух просто решил не тратить время на пустышку и отправиться в сумрак. Туда, где его уже ждали...

Я нервно сглотнула и, только осознав, что все позади, поняла, что нахожусь в комнате одна. Ни Лори, ни Дары не было.

– А-у-у-у! – раздалось душераздирающее.

Я не заорала лишь по той причине, что лимит криков на

сегодня был исчерпан. Поэтому я в ужасе запыхтела, не сводя взгляда с кровати. Именно из нее доносился этот вымораживающий вой.

«Он все-таки догнал. Как-то смог обойти охранный контур и догнал...» Осознание, что забег наперегонки со смертью я проиграла, ударило наотмашь. Неприкаянный сам же сказал, что магии во мне сейчас почти ноль. А это значит, я превращусь не в овощ, а в пепел.

Одеяло на кровати вздыбилось.

– Ур-р-р! – донеслось из его недр.

Я сжалась пружиной. У меня не было энергии на заклинания. Голыми руками много не навоюешь, но сдаваться без боя я не собиралась.

Приготовилась к нападению.

Секунда. Вторая. Третья. И... Ничего. Из-под одеяла все так же доносились звуки, словно там вызывают демонов Преисподней. Гора на кровати меняла свои очертания – и на этом все.

Нервы не выдержали. Я крадучись подошла к кровати, рывком сдернула покров и...

– Чтоб ты сдохла! Пуся!

Ответом мне был взор, полный укоризны. Химера сидела посреди кровати и под прикрытием одеяла что-то жрала.

Я истерично расхохоталась и там же, где и стояла, плюхнулась на пол. Глядя на эту пушистую паразитку, я осознала одно: меня убьет не таинственная ревнивица, не ликвидатор,

неприкаянный или демон. Нет. Это сделает одна мелкая хи-
мера. Я сдохну от сердечного приступа рядом с ней.

Химера на мой истерический смех отреагировала весьма своеобразно: решилась на невероятное и поделилась остатком колбасы. Судя по этикетке, этот огрызок когда-то был элитным сырокопченым изделием. О последнем свидетельствовал обрывок надписи. Интересно, где она умудрилась его спер... Кхм. Позаимствовать на дегустацию. Исключительно позаимствовать, правда, безвозмездно.

Я с сомнением посмотрела на этот огрызок от взятки в особо вкусном размере. Пуся, глянув на неразумную меня, уничижительно фыркнула. Дескать, эту бездарь мзду брать еще учить и учить... А затем пододвинула обслюнявленный конец кольца ко мне, явно намекая: это лучшее средство от душевных недугов. Уж я-то знаю!

– Еще скажи, что булочки в животе можно считать влюбленностью, – скептически разглядывая подачку, вслух произнесла я. Хрипло так произнесла, словно ворона в предсмертных конвульсиях каркнула.

Химера вытаращилась на меня после этих звуков, подумала и превентивно сиганула на книжный шкаф. Не иначе как засомневалась, я ли это. Или демон в обличье хозяйкиной подруги.

К слову о Силь...

Потянулась к магофону, чтобы в очередной раз обрадовать ее новостью о побеге любимицы. Вот только паль-

цы отчего-то вместо того, чтобы набрать номер, знакомый со школьных времен, уверенно нажали совершенно другую комбинацию.

Тишина и темнота окружали меня, словно враги, решившие взять жертву в клещи. А над головой, где-то там под потолком, звучало утробное мурлыканье. А я сидела и ждала, не веря, но надеясь. Гудок. Второй. Третий.

Дэн. Ответь. Я знаю, ты в лечебнице. Ты не помнишь меня... Но прошу, ответь...

«Собеседник не может сейчас принять ваш сигнал», – раздалось из трубки спустя минуту. Минуту, во время которой сердце, как заправский рецидивист, на счету которого не один побег, так молотило о грудную клетку из ребер, словно хотело ее проломить и вырваться на свободу.

Мои руки бессильно опустились. Магофон ударил о пол, и вдруг... переговорный артефакт ожил. Неужели... Я не глядя нажала на зеленый кристалл приема вызова и...

– Ники, моя сволочь у тебя?! – голос Силь звенел от ярости и негодования.

Пуся, услышав его звуки, вся вздыбилась, заурчала, всем своим видом показывая: живой не дамся, – что я на миг замерла, даже забыв о собственном разочаровании. Мне хотелось услышать в динамике совершенно другого человека.

– Ты о своем любовнике? – прохрипела я, пытаясь выгадать время.

– Любовник – гад, – выпалила Силь, словно «сволочь» и

«гад» – были совершенно разными словами. Почти антонимами. Впрочем, чуть подумав, подруга добавила: – И второй тоже та еще зараза. И третий – мерзавец... А сволочь у меня одна. Пуся! Она опять сбежала. Кстати, что у тебя с голосом? – под конец спохватилась подруга. – Хрипишь, словно несмазанные дверные петли... Может, тебе лекарств принести каких?

Пришлось заверить, что все в порядке. Просто слегка проделуло... пульсарами и неприкаянными. Но о питомице я Силь так ничего и не сказала. Увела разговор в сторону, решив, что сначала проведу с химерой воспитательную беседу. А то ведь сдам ее подруге, а она снова вернется. Пуся, конечно, а не Силь. Хотя...

Когда разговор был закончен, я пристально посмотрела на тварюшку. Та, словно поняв, что гроза миновала, пружинисто спрыгнула обратно на кровать и молочным шагом двинулась ко мне. Подлиза.

Я смотрела на то, как Пуся мнет под собой когтями одеяло, словно взбивая его, и припомнила, как папа объяснял, что значит этот самый молочный шаг и почему так назван. Оказалось, что маленькие котятa, пристраиваясь к маме пососать, мяти ее живот, обеспечивая больший приток молока. А когда вырастали, память о моментах безопасности, удовольствия и всего, что с этим связано, оставалась. И если кошка топталась или кралась молочным шагом, это значило, что она чувствует себя в безопасности.

Машинально протянула руку, чтобы почесать хитрюгу по загривку, и начала менторским тоном выговаривать, какая химера нехорошая. Пуся на это так согласно и покладисто урчала, что я все больше убеждалась: эта мерзавка будет бороться за свою независимость от хозяйки снова и снова.

Вот ведь упрямая... Я взглянула на луну, светившую прямо в окно, и вдруг на ум пришла мысль: если даже эта мелочь вредная так упорото... кхм, упорно добивается своего, чем я хуже? Почему я жду вестей о состоянии Дэна, но не пытаюсь...

Рука вновь потянулась к магофону, чтобы спустя пару секунд я выставила ультиматум.

– Мор, хочешь, чтобы я помогла тебе в поисках тети? – спросила, как выстрелила. Правда, из пистолета с глушителем: уж очень тихо и сипло прозвучали слова. – Если да...

– Ники, что у тебя с голосом? – тут же сонно, но встревоженно отозвался Мор, перебив меня.

– Сорвала, – не стала вдаваться в подробности и продолжила: – Если да, то тогда ты должен мне помочь с Дэном.

– Я так понимаю, беседа с моим отцом все же состоялась? – Под конец фразы дремота с приятеля слетела окончательно, и я чувствовала, что со мной уже разговаривает хваткий делец.

– Догадался по тому, что я задала вопрос без обиняков? – напряженно уточнила.

– Нет, потому что использовала фирменный отцовский

стиль дипломатии убеждения – шантаж.

– Вообще-то это было взаимовыгодное предложение. Ты получаешь тетю, я – Дэна. Мы помогаем друг другу.

– А если я не хочу тебе помогать со Стиллом? – вдруг спросил приятель.

Вот странность: мы вроде бы говорили по магофону и нас разделял едва ли не километр, а ощущение было, что мы говорим, стоя лицом к лицу, так четко я представляла перед собой Мора.

– Ты ведь меня даже не любишь... – вырвалось вдруг.

– А это обязательное условие? – парировал Толье.

– Для меня – да. Зачем тебе та, к кому ты не испытываешь не то что любви, но хотя бы влюбленности?

– У тебя есть все, что требуется от будущей герцогини Толье: ум, характер, сильный дар, красота...

– Но не происхождение, – перебила я.

– В нашей семье важна не чистота крови, а сила, что в ней течет. А еще мы отлично понимаем друг друга. А в браке, как я убедился на примере отца, главное – понимание и взаимное уважение.

– Значит, не поможешь?

Пауза в несколько секунд, пока я ждала ответа, хотя уже знала, каким он будет. Во время нее я ощутила, как натягиваются мои нервы. Словно струны. Тронь – и то ли пронзительно зазвонят, то ли порвутся...

– Да, демоны тебя подери, Ники, помогу. Но с условием. Я

сделаю все, чтобы вы встретились, поговорили... но если он тебя не узнает, если все это будет напрасно... Ты отступишь. И мы попробуем... Ты попробуешь быть со мной. Только на таких условиях.

Теперь настала моя очередь замолчать и задуматься... Сглотнула и произнесла:

– Да.

И удивительная штука: всего два звука прозвучали так ясно и отчетливо, словно я и не срывала голос. Но на это ушли, сдается, все мои силы. Потому что больше я не могла произвести ни звука. Словно онемела. Совершенно.

Отключила переговорник и уставилась в потолок. Ну вот и все. Я заключила сделку на свою любовь. А ведь кто-то совсем недавно сторговался с некромантом на мою жизнь.

Меня снова затрясло. Мозг, до этого пытавшийся оградить меня от впечатлений пережитого, заслонил делами насущными, как то: Пуся, разговор с Силь, истерика. Но сейчас она, запоздалая, вдруг накрыла меня. Я беззвучно хохотала и ревела, не в силах подняться, и... В какой-то момент сама не заметила, как силы покинули меня и я... хотелось бы сказать – уснула, но, похоже, все же потеряла сознание.

Очнулась оттого, что мне настойчиво совали под нос что-то пахнущее столь противно, что, казалось, мозг вот-вот вытечет из ушей.

Я распахнула глаза и увидела склонившуюся надо мной Лори. В ее руке был флакон. Судя по логике – с нюхательны-

ми солями, судя по ощущениям – с универсальным химическим оружием массового поражения. Сдается, оно могло как упокоить слабых нюхом (и духом), так и воскресить заспавшихся умертвий.

– Убери эту гадость подальше, – закашлялась я.

Голос звучал слабо, но хотя бы был уже моим. И я, заподозрив, что причина тому – ядреный запах, резко сменила мнение. И, перехватив руку кудряшки, которую та отводила, вновь пригнула флакон к носу со словами:

– Хотя нет, оставь.

– Что с тобой случилось? – в свою очередь обеспокоенно спорила Лори. – Я тебя даже в комнате не заметила, пока не споткнулась.

Оказалось, что амулет отвода глаз, который она мне дала, не только подзарядился за эту ночь, но и отлично выполнял свои функции. Кудряшке даже пришлось его с меня снять, чтобы не потерять обморочную соседку.

Говоря это, Лори протянула мне артефакт. Удивительно, но тот был заряжен энергией под завязку. Только почему-то я не чувствовала с магией внутри контура артефакта привычного сродства. Словно она была моя и не моя одновременно. И да, мой собственный резерв снова был пуст.

Впрочем, эту загадку я оставила на потом. Лишь попросила соседку оставить его у себя еще на время. Все же новость с демоном еще не улеглась и излишнее внимание меня напрягало.

– А что у тебя с голосом? Ты как будто простыла немножко...

Мне пришлось рассказывать о том, что я его сорвала (без подробностей), о Пусе (с подробностями) и не рассказать вообще о своей ночной истерике, а солгать, что просто от усталости упала в обморок.

От первого мне был выдан эликсир (нюхательную соль, увы, отобрали). Химере – провиант (тварюшка обрадовалась), а за бодростью мы с Лори отправились в столовую. Хотя я бы предпочла тарелке сытной каши порцию сна, но кто мне его сейчас даст? Даже за доплату.

Глава 4

Впрочем, дрему как рукой сдуло, когда я вспомнила о том, до чего вчера договорилась с Мором. Потому, наскоро проглотив завтрак, я поспешила в аудиторию, где Толье... не было! Не появился он, Впрочем, и на практикуме по зельеварению. И даже на лекции Смерти... в смысле, профессора Морригана приятель не появился. Я чувствовала себя невестой у алтаря, от которой жених сбежал прямо с порога храма.

И даже переговорник Толье молчал, сообщая, что собеседник вне зоны чар. Зато мама до меня дозвонилась на раз. Думаю, что если бы магифон оказался неисправен, то, зная матушку, она бы просто смогла до меня докричаться. Даже с другого конца не то что столицы – империи.

Госпожа Роук заявила, что будет меня ждать у ворот академии сразу после полудня. У меня, познавшей все прелести родительской заботы и внимания, просто не было ни единого шанса отказаться от прогулки.

– Мама, у меня вообще-то лекция еще одна есть... – я все же предприняла попытку если не отменить этот поход во имя шопинга с обязательным штурмом лавок «все по одной цене», то сократить его время.

– Лекций у тебя много и каждый день. А мама одна! – тоном полководца, уже наметившего план блицкрига, отозва-

лась госпожа Роук.

Я вздохнула. Потом еще раз вдохнула... Отличие тайфуна от моей мамы было в том, что если первый быстро пройдет и от него все же есть шанс укрыться, то госпожа Роук – это надолго и от нее не спрятаться.

– К тому же я скоро уеду, – чувствуя дочернее сопротивление, добавила она.

Зная мою матушку, я могла сказать, что «скоро» у нее было понятием растяжимым. Она и в первый декрет хотела сбежать по-быстренькому, наскоро, так сказать. И задержалась в нем на десять лет! Пока Джеймса Роука-младшего не родила. Так что и со столицей могло стать так же... Я и моргнуть глазом не успею, а будет не только не уехавшая мама, но и все мое семейство сюда перебравшимся...

– Хорошо, – обреченно согласилась я.

Ровно в оговоренный срок я вышла из ворот академии, чтобы тут же быть заключенной в материнские объятия. Никакой маскировочный амулет не помог. Глаз госпожи Роук был зорче соколиного, а чутье всем демонам на зависть.

А затем меня прямо на ходу попытались накормить. Хотя нет, накормить – это слабо сказано. Точнее будет – откормить. До фигуры, являющейся идеалом для математиков и теоретиков от магии, – шара.

Матушка не поленилась притаранить с собой кастрюльку с мясными шариками в тесте, лично ей испеченный капустный пирог, запеканку... она явно переоценила мои погло-

тительные способности. Но нельзя было просто так взять и не съесть то, что готовила мама. Поэтому я сидела на лавочке, спрятавшись за самым раскидистым кустом, и пыталась впихнуть в себя стряпню. Пирог даже удалось победить, но перед остальным я позорно капитулировала.

– Деточка, на тебя страшно смотреть. Одни кожа да кости остались... – меж тем причитала мама.

Но когда она поняла, что в меня уже не лезет, как ни запихивай, все же сдалась. Но она бы была не она, если бы не вручила мне кастрюльку с мясными шариками.

И вот когда дитяtko было накормлено, мама решила, что мне нужно купить одежды. И как я ни пыталась заверить, что у меня все есть... Нет! Когда говорит инстинкт заботы о потомстве, даже самые чуткие родители бывают глухи.

Меня все равно протащили по магазинам. И я стала счастливой (нет) обладательницей коричневой кофты фасона «прощай, юность, привет, пенсия», серого платья с начесом и гамаш. Еле отбрыкалась от теплой вязаной шапки, за что получила зловещее обещание: «Свяжу сама и пришлю на день первого снега». И все это было сделано, чтобы я, не приведи небесные заступники, не простудилась.

Хотелось сказать, что магическая броня была бы для меня в современных реалиях актуальнее шапок, но промолчала.

На этом мама счастливо, с чувством выполненного долга вздохнула, и мы распрощались. Она села в монорельсовый вагончик и, смахнув слезу, помахала на прощание рукой из

окна. А я побрела к своей остановке. Та располагалась недалеко, но нужно было пересечь центральный парк.

И вот я, груженная, точно мул, с кастрюлькой мясных шариков под мышкой двинулась в путь. Кто же знал, что он окажется настолько неисповедимым...

Потому как я услышала голос. До боли знакомый, любимый, родной... Дэн!

Не помня себя, я ринулась вперед, через кусты и... Кто же знал, что я выскочу прямо к центральному фонтану – современному чуду маго-инженерной мысли. У этого творения не было не то что чаши для воды, даже центральной фигуры! Ее образовывали струи воды, вырывавшиеся из мрамора, которым была выложена вся небольшая площадка. Прямо из-под ног незадачливых прохожих, ступивших на белый гладкий камень.

Струи, взлетая ввысь, переплетались меж собой, сталкивались, образуя причудливые фигуры то животных, то растений, то драконов, а то и вовсе сцены из мифов и легенд.

Но сейчас меня волновало не это, а Дэн. Он. Точно он! Стоял в нескольких десятках метров, повернувшись ко мне боком, в кругу приятелей и о чем-то беседовал.

Я в первый миг растерялась, а затем поспешила, совершенно забыв, что под ногами скользкий, облитый водой мрамор фонтана. Сделала шаг и...

Покатилась. Пытаясь сохранить равновесие, взмахнула руками. Сверток с покупками тут же улетел куда-то в кусты.

А вот кастрюля осталась при мне.

Потому-то, когда я все же упала, лязг был такой, словно грохнулся рыцарь ольфтонского ордена в полном боевом доспехе.

Инерция была сильной, и даже то, что я растянулась во весь рост, не замедлило моего движения. Затормозила я лишь о мужские ноги. Врезалась в них со всего маху, так и продолжая обнимать пакет с кастрюлькой.

Первое, что увидела, – мужские ботинки. Дорогие, сшитые явно на заказ, из тонко выделанной телячьей кожи с тиснением мастера. Выше – брюки, стрелки на которых были столь острыми, что казалось: дотронься до них – и порежешься. Белая шелковая сорочка, расстегнутая на две верхние пуговицы, стильный пиджак, подчеркивавший широкие плечи...

– Стилл, смотрю, девицы падают тебе под ноги сами, – хохотнул рыжеволосый мажор, сверкнув ехидной белозубой улыбкой. – Поднимать будешь? Или пусть дальше лежит? Хотя эта вроде симпатичная. На один раз поднять, чтобы уложить, можно...

А я вскинула голову и встретила взглядом с бесконечным, таким родным океаном... чужих глаз.

Дэн смотрел на меня, словно видел впервые. Холодно, отрезанно и задумчиво.

– Помочь? – спустя секунду, показавшуюся вечностью, произнес Стилл и протянул мне руку. Сильную, крепкую, на-

дежную. Я помнила прикосновения его ладоней. То, как Дэн обнимал, удерживал, ласкал, защищал, поднимал и уносил прочь от проблем, мог украсть у всего мира.

А сейчас пальцы, на которых красовались несколько перстней-артефактов, меня пугали. Точнее, даже не они, а жест. Он был деловым, лишенным эмоций.

Не узнал – понимание произошедшего разлилось во рту полынной горечью. Обида и обманутые надежды обожгли гордость. И именно она, уязвленная, заставила меня проигнорировать предложение о помощи.

Я вскинула голову, а затем медленно, словно прорастая из мрамора плит лозой, начала подниматься. И сделала это в лучших традициях Силь. Подруга утверждала: каждая девушка в жизни падает. И случается это не единожды.

Но чтобы тебя запомнили, нужно сделать две вещи: красиво упасть и красиво подняться. И подруга не отступала от этого правила. Потому, даже если встреча с землей была неизбежна, Силь, грохаясь, тянула носочки. А вставала так грациозно, что мужчины гулко сглатывали слюну. Никогда она не оттопыривала ягодиц, не раскорячивалась черепахой, не ойкала, не причитала над разошедшимся швом или испачканной юбкой...

Вот и я не стала обращать внимание на промокшие штаны и блузку под кожаной курткой, которая, вобрав в себя влагу фонтана, прилипала ко мне, будто вторая кожа. Я сосредоточилась на движениях, чтобы они превратились в одно слит-

ное, медленное и грациозное.

Ступни и пятки завела перекатом под ягодицы и начала подниматься, чуть покачиваясь из стороны в сторону, словно ядовитая змея под дудочку заклинателя, переводя вес с коленей на носки сапог. Ощущения были словно на марш-броске. Я выкладывалась на пределе сил. Но что-то мне подсказывало: со стороны это выглядело легко и непринужденно. В лучших традициях восточных красавиц.

И едва я выпрямилась, как получила тому подтверждение.

– Ого! – раздался свист позади. – Малышка, я впечатлен! Не дашь номер своего магофона? Может быть, встретимся завтра?

– А со мной можно и сейчас, – перебил его второй, насмешливый.

Аристократы за моей спиной забавлялись. Эта игра, когда непонятно, то ли все сказано в шутку, то ли всерьез, похоже, была у высших в заводской комплектации. Что у Толье, когда ночью на кухне он вроде бы говорил об одном, имея в виду совершенно другое, что сейчас...

Я успела пожалеть, что решилась на эффектный подъем. Не огребла бы столько сальностей. Хотя... даже изобрази я неуклюжесть, не убереглась бы от насмешек. Правда, другого толка.

– Стилл, отойди в сторону! Твою руку отвергли, – не унимался кто-то из приятелей Дэна, чьего лица я не видела. Голос доносился откуда-то сбоку. Но тип не унимался: – Хотя,

может, эту горячую крошку и не руки вовсе в парнях интересуют... У меня есть что тебе показать.

Я и не выдержала. Взорвалась.

Резко наклонилась за кастрюлей. Подхватила ее, обернувшись так, что мои мокрые волосы хлестнули кого-то по лицу, шагнула к говоруну и протянула ему мамины мясные шарики.

– Что это? – удивленно воззрился на меня рыжий говорун, который как-то уже и не сильно-то жаждал чего-то показывать.

– Еда. Говорят, лучшее средство, когда нужно затк... – я оборвала сама себя. Все же девушке не стоит ругаться. Хотя бы вслух. И дело не в воспитании, а в судебных исках. Сочтут еще оскорблением чести и достоинства... которых на деле у этих типов нет. Я исправилась в последний момент: – Замолкнуть.

– Сэм... – усмехнулся один из парней, тряхнув белой, как лен, шевелюрой. – Так тебя еще не отшивали.

Остальные захохотали. Только Дэн отчего-то был мрачен. А Льяной меж тем продолжил:

– Но мне такие, с характером, нравятся... Как насчет...

– Отстаньте от нее, – вдруг резко оборвал веселье приятелей Дэн. А затем, задумчиво глянув на меня, спросил: – Твое лицо...

В эту секунду мое сердце пропустило удар. Узнал?! Неужели...

– Вспомнил. Я видел тебя перед тем, как лекарь погрузил меня в стазис. В посольстве. Мы знакомы?

От этого вопроса все внутри меня заледенело.

– Учимся в одной академии, – сама поразилась, как смогла выдать из себя эту фразу. Казалось, я вновь сорвала голос – так болело горло. А я враз ощутила, как холодит ноги мокрая ткань штанов, как блузка неприятно липнет к телу, которое начинает бить озноб.

Оттого ли он был, что я стояла на осеннем ветру в сырой одежде, или от осознания: моя надежда, что любимый вспомнит меня, разбилась на мелкие осколки?

– Я не могу оставить однокурсницу мерзнуть, – при этих словах Дэн щелкнул пальцами, а затем раскрыл ладонь на уровне моей груди, не касаясь ее, и меня окутало тепло.

Но если парни не обратили внимания, то я-то увидела, как Стилл использовал не свою магию. Когда он взмахнул рукой, на долю секунды манжет поднялся чуть выше, обнажив край браслета-накопителя. И то, как украшение раскалилось, отдавая энергию.

Пока я пыталась осознать, что Дэн использует не свою силу, а заемную и зачем он вообще это делает, оказалось, что к парням направляются несколько девушек. Ухоженных, лощенных, тех, кого парни и ждали. И среди них была и официальная невеста Стилла.

– Спасибо, я согрелась, не стоит тратить силы понапрасну... – произнесла, не договорив: «Ведь у тебя они и так за-

емные». Но, кажется, Стилл все понял и взглянул на меня остро и хмуро. Но я это проигнорировала и поспешила отвести его ладонь от себя, раз сам Стилл этого не сделал. И плевать, что одежда все еще была сырой.

Мои пальцы коснулись его. Мимолетное движение, когда подушечки дотронулись до его руки, чтобы оттолкнуть... А на деле... меня прошел разряд. Не было вспышек и треска, когда молния разрезает воздух, но я вдруг почувствовала каждую клеточку своего тела, каждый оголенный нерв.

Но Дэн был невозмутим. Его рука не дрогнула, и... мне, наверное, все показалось! Померещилось от перенапряжения. Я отдернула свою ладонь и повернулась боком к Стиллу, уже готовая уйти. Только перед тем, как сделать первый шаг, глядя перед собой, тихо произнесла:

– Я не твоя однокурсница. Ты выпускник, а я в этом году поступила. – И добавила так тихо, чтобы услышал только Дэн: – Лги своим приятелям изобретательнее...

И пошла прочь, особо не разбирая дороги, слыша за спиной девичий щебет и ненавистный мелодичный голосок невесты Стилла. Официальной, демоны ее подери.

А я сжимала пальцы в кулаки и повторяла про себя: «Ники, не смей оглядываться, не смей!». Хватило меня до первого поворота, завернув за угол которого я решительно нырнула в кусты и наткнулась на свой же свой собственный пакет. С одеждой. Никогда бы не подумала, что обрадуюсь ему. Споро переоделась в сухое платье и достала из кармана шта-

нов амулет Лори: в магазине его пришлось снять, поскольку продавцы так и норовили потерять меня из поля зрения. А это весьма мешало процессу покупки и раздражало маму, вознамерившуюся во что бы то ни стало приодеть дочь во что-то приличное и практичное.

– Я не буду за тобой шпионить, Дэн, – надевая артефакт на шею, произнесла я. – Только немножко проконтролирую...

«Немножко» в моем исполнении вылилось в резвый забег по пересеченной одной дурной адепткой местности. Я ломилась сначала сквозь кусты, потом неслась вдоль парковой ограды, а затем едва не угнала таксомотор вместе с водителем. А все потому, что сиятельные не пожелали топтать ножками, как простые смертные, а, дойдя до парковки, шустро сели в свои авто и дали по газам. Не нестись же было за ними на своих двоих. Вот и я, заведев оранжевую машину с характерной руной вдоль всего корпуса, которую лепили себе на экипажи извозчики прошлых веков, недолго думая подскочила к ней.

Увы, на пассажирское сиденье рядом с водителем уже нацелился один джентльмен. Но он оказался неспешен, а мне – очень нужно. Даже сильнее, чем некоторым в уборную.

В результате я ужом просочилась между ним и металлической стойкой, к которой с одной стороны крепились петли задней двери, а с другой – замок передней. Сама поразилась, как так получилось, но момент – и я уже сижу, пристегнута, а на меня пытается взгромоздиться не успевший сориенти-

роваться мистер.

В его оправдание можно сказать лишь то, что амулет отвода глаз был на мне очень качественный.

Сообразив, в чем дело, я сдернула с шеи шнурок. Тот, когда порвался, оцарапал кожу, но это была меньшая из неприятностей...

– О, я не знал, что тут занято, – проворчал дедуля, елозя у меня на коленках. А затем обернулся к водителю и высказал свое джентльменское «фи»: – Вы бы хоть предупредили, что не свободны и у вас уже есть пассажирка! Что за времена! Хотят сразу с двоих клиентов деньги содрать! Шаромыжник! Ворюга... Вы только поглядите на него! На стариках наживается! В мое время такого не было...

– Дедуля, в твоё время, наверное, ещё и люди в пещерах жили...

– Кэп, мы как, поедём? – напомнила я о себе, пытаюсь спихнуть седого мистера с колен. Но тот, хоть и причитал о безнравственности нынешнего поколения, покидать салон таксомотора не торопился.

– Куда? – поинтересовался водитель.

– За вот тем спортивным каром. Но если с меня не слезут – к алтарю. – Я подпихнула седого мистера к выходу. – А то меня уже тут того и гляди обесчестят... А после такого – только замуж, – я несла полный бред и старалась его не расплескать, потому как на дедулю доводы разума не действовали от слова «совсем». – Венчаться с мистером... Мистер,

кстати, как вас там? А пенсия большая? А жилье? – поинтересовалась я с интонацией выжиги.

– Ах ты... На святое позарилась?! На мою пенсию!!! – возмутился престарелый джентльмен, слетев с моих колен быстрее пульсара.

– Гони! – едва освободившись от лишнего пассажира, гаркнула я.

Водитель, не будь дурак, вжал педаль газа в пол, шестеренки, сцепленные магическими заклинаниями, заурчали под капотом.

Машина рванула с места – я даже дверь не успела захлопнуть. И услышала вслед возмущенное:

– Воровка! Угнала мою машину!.. – а дальше было множество эпитетов, из которых я узнала о себе много нового и интересного. Жаль только, что в основном бранью. А с виду такой приличный джентльмен... Вот правду говорят, что истинное воспитание человека проявляется только тогда, когда ему на ногу падает молоток. Ну или Николь Роук. Эффект примерно одинаковый.

Вот только, пока препирались с дедулей, едва не упустили из виду Дэна. Хорошо, что водитель оказался парнем понятливым, только очень уж болтливым. Это была не погоня, а какой-то сеанс у целителя душ. Крутя руль, мужик мне поведал о том, как ему изменяла жена и он точно так же преследовал ее с любовником, поэтому ох как он меня понимает... А дальше шел пересказ всей его жизни и под конец – пред-

ложение встретиться, если мой пока еще не бывший через пару часов окажется бывшим окончательно. Еще и визитку с номером своего магофона сунул.

Когда я выходила из авто, меня терзали смутные сомнения, что погоня и слежка должны выглядеть слегка иначе. Точно не знаю как, но по-другому... Хотя бы не заканчиваться предложением если не руки, то кхм... перца.

Расплатившись со словоохотливым мужиком, я поспешила в сторону элитного кафе с открытой террасой, на ходу завязывая новый узел на шнурке амулета. Вот уж не думала, что от него могут быть проблемы.

Закончив с нехитрой починкой, я подняла взгляд выше, на террасу, и увидела, как Дэн, держа за руку свою нев-весту, чтоб ей пусто было (!), идет к перилам. Под которыми раскинулись такие замечательные густые кусты туи.

Недолго думая я ринулась к ним и...

– Куда прешь! – злобно зарычали на меня изумрудно-зеленые ветви. Женским раздраженным голосом зарычали.

А после меня натурально попытались выпихнуть из такого замечательного укрытия, которое я себе не просто наметила. Мысленно я в нем уже обжилась!

Сдавать без боя облюбованные койко... то есть кусто-места просто так не собиралась. И поперла как баран на новенький, еще ни разу не боданный рогами зад, в туюву чашу, чтобы в ней лоб в лоб столкнуться с девицей.

Только после того, как мы боднулись, выяснилось, что не

я одна тут в сыщика играю. А еще не только у меня есть артефакт отвода глаз. Каждый уважающий себя репортер такой же имеет. Журналистка, с которой я столкнулась, себя очень уважала. Потому замаскировалась очень качественно. Обнаружить ее можно было, только напрягшись. Что я, собственно, и сделала.

– Это мои кусты! Я их первая заняла! – обшипела (хотя по ощущениям – обгавкала) меня туевая соседка. К слову, она казалась моей ровесницей, если не младше. – И вообще, ты из какого издания?! Я тебя раньше не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.